

**Б. Н. Миронов. Русская революция 1917 года как побочный
продукт успешной модернизации // // Социологические исследования.
2013. № 10 (354). С. 29-39.¹**

Миронов Борис Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН и профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (E-mail: bmironov@mail.wplus.net).

Аннотация. В статье предлагается анализ Русской революции 1917 года сквозь призму теории модернизации, в свете которой она предстает как издержки, или побочный продукт успешной модернизации. Конфликт традиции и современности не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее возможность, ставшую реальностью в силу особых обстоятельств — военных поражений, трудностей военного времени и непримиримой и ожесточенной борьбы за власть между оппозиционной общественностью и монархией.

Ключевые слова: Русская революция 1917 года, марксизм, теория модернизации, Великие реформы 1860-1870-х годов

Огромное большинство работ о революции 1917 года, опубликованных в советский период, написано в марксистско-ленинской парадигме. Поскольку тогда она являлась нормативной, то вольнодумство было возможно в весьма ограниченных пределах. Прошло 22 года после второго пришествия капитализма в Россию, но парадигма остается влиятельной, несмотря на утрату монополии, в значительной степени потому, что не предложено новое объяснение революционных событий. В некоторых работах она сохранилась в девственной чистоте, в других — в несколько осовремененном виде, в том числе в учебной литературе. Ушли из употребления многие одиозные классовые оценки событий, ослабли или сошли на нет славословия в адрес одних действующих лиц и поношения в адрес других, но основная аналитическая схема во многих работах мало изменилась — российская империя накануне Первой мировой войны находилась в системном глобальном кризисе, который привел к революции. До сих пор широко распространено мнение, что если империя погибла, значит, она находилась в состоянии глобального системного кризиса в предшествующий период, а революция являлась необходимой, закономерной и благодетельной. Логично, но не всегда правильно. Разрушиться и погибнуть государство может и без кризиса, например в результате войны, если соперник намного сильнее. Кризис далеко не всегда является признаком несостоятельности какого-либо режима в политическом, социальном и экономическом смысле. Он может быть временным и преходящим, как кризис подросткового возраста у человека, и свидетельствовать о прогрессивном развитии, а не об упадке. Главными источниками кризиса считаются запаздывающие и половинчатые реформы, не поспевающие за жизнью, и отсталая архаическая политическая система, т. е. противоречия между социально-экономической и политической структурами социума. Ленинизм умер. Да здравствует ленинизм!

В статье предлагается анализ Русской революции 1917 года сквозь призму теории модернизации, в свете которой она предстает как результат конфликта традиции и современности. Этот конфликт можно назвать *системным кризисом*. Однако такой кризис не имеет ничего общего с тем пониманием системного кризиса, которое доминировало в

---

¹ Опубликовано: Социологические исследования. 2013. № 10. С. 29-39.

советской историографии и до сих пор широко бытует в современной литературе, — как всеобщего и перманентного кризиса, превратившего российский социум в несостоятельную и нежизнеспособную систему, не способную развиваться и приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни и обеспечивать благосостояние граждан. *Кризис российского социума был болезнью роста, свидетельствовал о его развитии, а не о приближении его конца.* Он не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее предпосылки, только возможность, ставшую реальностью в силу особых обстоятельств — военных поражений, трудностей военного времени и непримиримой и ожесточенной борьбы за власть между оппозиционной общественностью и монархией.

В историографии существует два взгляда на революционные события 1917 года. Согласно первому, в России произошли две революции — в феврале и в октябре. По второй версии февральские и октябрьские перевороты являлись двумя последовательными стадиями или этапами одной революции. В настоящее время все больше российских и зарубежных исследователей склоняются к мысли, что февральские и октябрьские события 1917 г. являются двумя этапами одной революции, начало которой целесообразно передвинуть к 1914 г., моменту вступления России в Первую мировую войну, а завершение — к 1920 г., окончанию гражданской войны. И это представляется вполне резонным. Февральские события не успели завершиться легитимацией нового режима или его полным фактическим утверждением. Не случайно, и правительство являлось *временным*, и парламент — *предпарламентом*. Определить правовой статус и превратить новый режим в легитимный должно было Учредительное собрание, но оно собралось слишком поздно и было безрезультатным — большевикам удалось его разогнать. Возвращение к концепции единой революции вполне оправдано и в сравнительно-исторической перспективе. Революционные события в Нидерландах в 1566–1579 гг., продолжавшиеся 13 лет, разделяются на четыре этапа, а не на четыре революции. Английская революция XVII в. (известная также как Английская гражданская война), длившаяся 18 лет, 1642–1660 гг., также делится историками на этапы или войны, а не на революции. Наконец, в истории Великой французской революции, 1789–1799 гг., историки выделяют четыре этапа, а не четыре революции, хотя взятие Бастилии, установление якобинской диктатуры, термидорианский переворот и переворот 18 брюмера могли бы претендовать на статус отдельной революции.

В таком случае можно говорить о трех революциях в России XX века: Первая русская революция 1905—1907 гг., Вторая русская революция 1914—1920 гг., Третья русская революция 1985—1993 гг. (от начала перестройки до претворения в жизнь реформ Е. Гайдара включительно).

Россия после Великих реформ

В России после отмены крепостного права произошло настоящее экономическое чудо. В 1861–1913 гг. темпы экономического развития были сопоставимы с европейскими, хотя отставали от американских. Национальный доход за 52 года увеличился в 3,8 раза, а на душу населения – в 1,6 раза. И это несмотря на огромный естественный прирост населения, о котором в настоящее время даже мечтать не приходится. Население империи (без Финляндии) увеличивалось за эти годы почти на 2 млн. ежегодно. Душевой прирост

объема производства составлял 85 процентов от средневропейского. С 1880-х гг. темпы экономического роста стали выше не только средневропейских, но и «среднезападных»: валовой национальный доход увеличивался на 3,3% ежегодно – это даже на 0,1 больше, чем в СССР в 1929—1941 гг., и только на 0,2% меньше, чем в США, – стране с самыми высокими темпами развития в мире в то время [1]. Развивались все отрасли народного хозяйства, хотя и в разной степени. Наибольшие успехи наблюдались в промышленности. С 1881-1885 гг. по 1913 г. доля России в мировом промышленном производстве возросла с 3,4 до 5,3%². Однако и сельское хозяйство, несмотря на институциональные трудности, прогрессировало средневропейскими темпами.

Но главное чудо состояло в том, что при высоких темпах роста экономики и населения происходило существенное повышение благосостояния, другими словами, индустриализация сопровождалась повышением уровня жизни крестьянства и, значит, происходила не за его счет, как общепринято думать. На чем основывается такое заключение? О повышении уровня жизни свидетельствуют следующие факты.

(1) Увеличение с 1850-х по 1911-1913 гг. реальной подневной платы сельскохозяйственного рабочего 3,8 раза, промышленных рабочих – в 1,4 раза³.

(2) Повышение с 1885 по 1913 г. производства потребительских товаров и оборота внутренней торговли на душу населения в постоянных ценах – в 1,7 раза⁴ (за более раннее время сведений не имеется).

(3) Увеличение между 1886-1890 и 1911-1913 гг. количества зерна, оставляемого крестьянами для собственного потребления, на 34%.⁵

(4) Уменьшение числа рабочих дней в году у крестьян со 135 в 1850-е гг. до 107 в 1902 г., у пролетариев числа рабочих часов с 2952 в 1850-е до 2570 в 1913 г.⁶

(5) Массовая скупка земли крестьянами. За 1862-1910 гг. крестьяне купили 24,5 млн. десятин земли, заплатив за нее огромные деньги – 971 млн. руб. – это в 28 раз больше, чем все недоимки, накопившиеся за ними к 1910 г. Купчая земля относительно наделной составляла 6,8% в 1877 г., 14,5% в 1887 г., и 21,6% в 1910 г., а относительно всей частновладельческой земли – соответственно 6,2%, 13,1% и 25%. Причем, почти половина (46%) земли была куплена крестьянскими обществами и товариществами.⁷

(6) Увеличение вкладов россиян в государственных сберегательных кассах — самом популярном банке в России. В 50 губерниях Европейской России с 1865–1869 гг. по 1909–1913 гг. число вкладчиков увеличилось в 159 раз, на 1000 жителей — в 82 раза, величина вклада на одного вкладчика — в 2,7 раза, с учетом инфляции — в 1,7 раза, величина вклада на одного жителя страны — в 228 раз, с учетом инфляции — в 145 раз. Вкладчики касс делились на профессиональные группы, среди которых выделялись «работники». К последним относились лица, занятые в земледелии и промышленности, т. е. в огромном большинстве крестьяне и рабочие. Их доля среди клиентов банков увеличилась с 9% в 1865–1869 гг. до 33% в 1909–1913 гг., а доля во вкладах — соответственно с 11% до 33%. В 1913 г. их число достигло 7,6 млн, среди них на долю женщин приходилось около 43%, а мужчин — 57%. Если принять, что мужчины представляли целую семью, то получается: только в сберегательных кассах хранили деньги около 4,3 млн семей, обнимающих до 26 млн человек (поскольку в среднем семья включала 6 человек), т. е. 21% жителей Европейской России. Сберегательные кассы хранили лишь часть накоплений «работников»: многие крестьяне держали деньги в кубышке; кроме сберегательных касс, имелись и другие кредитные учреждения.

(7) Существенное и систематическое увеличение конечной (т.е. при достижении полной физической зрелости) длины тела мужчин за 1791-1915 годы на 7.7 см (с 161.3 до 169.0) и веса за 1811-1915 годы – на 7,4 кг (с 59,1 до 66,5) дает уверенность в том, что благосостояние крестьянства действительно повысилось. Индекс массы тела, показывающий уровень питания, на протяжении 1811-1915 годов всегда соответствовал норме, а к концу изучаемого периода даже немного увеличился - с 21,8 до 23,3.⁸

(8) Рост с 1863 г. по 1906—1910 гг. расходов на алкоголь в 2,6 раза на душу населения⁹.

(9) Увеличение с 0,171 до 0,308 – в 1,8 раза индекса развития человеческого потенциала, который учитывает (а) продолжительность жизни; (б) уровень образования (грамотность и процент учащихся среди детей школьного возраста); (в) валовой внутренний продукт на душу населения (ВВП).

Таблица 1. Индекс развития человеческого потенциала в России в 1851—1914 годы (без Финляндии)

Годы	Население, млн.	ВВП на душу населения*		Образование**			Средняя продолжительность жизни		Индекс развития человеческого потенциала
		Дол.	Индекс	Грамотность, %	Учащиеся, %	Индекс	Лет	Индекс	
1851—1860	73,5	701,0	0,381	14	1,4	0,098	27,1	0,035	0,171
1861—1870	78,4	675,9	0,374	17	1,9	0,120	27,9	0,048	0,181
1871—1880	91,7	666,4	0,372	19	2,3	0,134	28,8	0,063	0,190
1881—1890	110,6	679,9	0,375	22	2,5	0,155	29,7	0,078	0,203
1891—1900	125,8	790,7	0,402	28	3,5	0,198	31,2	0,103	0,234
1901—1910	147,6	928,1	0,430	33	5,5	0,250	32,9	0,132	0,271
1913	171,0	1036,0	0,449	40	7,9	0,293	36,0	0,183	0,308

* В долларах США 1989 года. ** Без Польши и Финляндии.

Источники: Грегори, 2003: 22, 232—237; Миронов, 1991: 82, 146; Миронов, 1994: С. 111—125; Очерки, 1991: 518, 525, 527, 529, 531; Воспроизводство, 1983: С. 61; Демографическая модернизация, 2006: 292.

Приведенные данные (с учетом умеренной имущественной дифференциации) со всей очевидностью свидетельствуют о том, что благосостояние народа в пореформенное время повышалось.

Прогресс наблюдался во всех сферах жизни. Социальная структура общества в пореформенное время претерпела коренную, но мирную трансформацию. Благодаря реформам 1860-х гг., сословия стали постепенно утрачивать свои специфические привилегии, сближаться друг с другом в правовом положении и постепенно трансформироваться в классы и профессиональные группы. Дворяне-помещики сливались в одну социально-профессиональную группу с частными землевладельцами, дворяне-чиновники — с чиновниками-недворянами, прочие категории личного и потомственного дворянства — с профессиональной интеллигенцией; происходило также «обуржуазивание» дворянства и «оземеливание» буржуазии. Духовенство эволюционировало от сословия в сторону профессиональной группы духовных пастырей. Городское сословие превращалось в предпринимателей, интеллигенцию и рабочих, крестьянство — в фермеров и рабочих. Решающее значение в превращении сословий в классы и профессиональные группы имели, с одной стороны, юридическая и фактическая ликвидация привилегий дворянства, с другой — ликвидация правовой неполноценности податных сословий. С отменой крепостного права в 1861 г. все категории крестьян и городских обывателей сравнивались по своим правам, а дворянство утратило свою главную привилегию — монопольное право на владение крепостными. После введения земских учреждений в 1864 г. все сословия получили право формировать органы местного самоуправления на уездном и губернском уровнях. Городская реформа 1870 г. превратила городское сословное самоуправление во всесословное самоуправление. В результате судебной реформы в 1864 г. сословные суды упразднились, и все граждане попадали под юрисдикцию единых для всех общесословных судов. Введение всеобщей воинской повинности в 1874 г. ликвидировало принципиальное различие между привилегированными и податными сословиями: представители всех сословий, включая

дворянство, стали на общих основаниях привлекаться к отбыванию воинской повинности. Другие важные реформы, происшедшие в последней трети XIX — начале XX в. (отмена подушной подати и круговой поруки среди сельских и городских обывателей, включение дворянства в число налогоплательщиков, отмена паспортного режима, отмена выкупных платежей за землю, получение права на выход из общины в 1907 г., наконец, введение представительного учреждения и обретение гражданских прав всем населением в 1905 г.), привели к тому, что к 1917 г. все сословия *юридически* утратили свои специфические сословные права. Вертикальная социальная мобильность существенно возросла, поддерживая трансформацию социальной структуры из сословной в классово-профессиональную.

Политическое развитие страны после Великих реформ также следует признать достаточно успешным. Российская государственность эволюционировала от самодержавия к конституционной монархии и в 1905–1906 гг. стала таковой. После 1905 г. появились свободная пресса, общественное мнение, политические партии, тысячи добровольных ассоциаций — все элементы гражданского общества¹⁰. В принципе сформировался механизм, обеспечивающий передачу общественных настроений, желаний, требований от общества к властным структурам, и контроль за их исполнением посредством законодательных учреждений, прессы, общественного мнения, добровольных ассоциаций. Если в середине XIX в. последних насчитывалось несколько десятков, то накануне Первой мировой войны общее число (благотворительных, религиозных, студенческих, профсоюзных, клубов и других обществ) в империи без Польши и Финляндии превысило 51 тыс.: 19,7 тыс. православных церковно-приходских попечительств (в 1902 г.), 13 тыс. кредитных и ссудно-сберегательных товариществ, 8,7 тыс. потребительских кооперативов, 4,7 тыс. сельскохозяйственных обществ, более 5 тыс. благотворительных обществ (4958 в 1898 г.) и сотни ассоциаций другой специализации, включавшие миллионы человек — только кооперативы всех видов охватывали около 9 млн членов. Во время войны, воспользовавшись слабостью правительства, либеральная оппозиция под лозунгом помощи жертвам войны создала массу новых общественных ассоциаций, в том числе всероссийского масштаба, что до войны запрещалось: Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, Всероссийский союз городов, объединенный Главный по снабжению армии комитет Всероссийского земского и городского союзов (Земгор), Центральный военно-промышленный комитет. В 1915 г. сеть этих тесно связанных организаций покрыла всю Россию. За время войны число добровольных организаций, если ориентироваться на увеличение количества кооперативов (с 26,5 тыс. до 63–64 тыс.), существенно возросло. Даже в случае неизменности количества ассоциаций других видов, все равно к осени 1917 г. их общее число превысило 90 тыс., охватив до половины взрослых жителей страны. Набирали силу добровольные ассоциации буржуазии. Десятки биржевых обществ, съездов промышленников, обществ фабрикантов и заводчиков лоббировали региональные и отраслевые интересы предпринимателей перед государством и рабочими¹¹.

Таким образом, политический процесс в пореформенный период претерпел кардинальные перемены. Исполнение его важнейших функций (социализации, рекрутирования элиты, коммуникации, артикуляции и агрегации интересов, определения и осуществления политического курса, вынесения судебных решений) перешло от разного рода коронных учреждений, традиционных институтов и органов сословного управления к средствам массовой информации, добровольным ассоциациям, парламенту, политическим партиям, школе всех уровней и литературе. Сдвиг в соотношении сил в пользу общественности вызвал, с одной стороны, опасение императора потерять свое доминирующее положение в управлении государством, с другой — желание общественности разделить с царем и правительством власть пропорционально фактическому соотношению сил. На этой почве между ними естественно возникло противостояние. В его основе лежала борьба за власть. Либерально-радикальная

интеллигенция чувствовала в себе силы и знания вывести Россию из тяжелого положения, в котором, по ее мнению, находилась страна, поэтому претендовала на роль избавителя от недуга и, следовательно, на власть лечить, помогать и управлять.

Как известно, улучшение условий жизни рассматривается в теории модернизации в качестве главного критерия ее успешности.¹² Поскольку имперская Россия модернизировалась, а благосостояние населения при этом росло, модернизацию следует признать успешной, несмотря на все издержки.

Как неоспоримые успехи страны совместить с ростом в эти годы недовольства и оппозиции режиму, с развитием всякого рода протестных движений, которые в конечном итоге привели к революции 1917 г.? Современная теория модернизации объясняет этот парадокс.

1. Издержки процесса модернизации

В настоящее время некоторые социальные исследователи, перепутав моду с объяснительной ценностью модернизационной парадигмы, и по причине слабого знакомства с мировой литературой списали ее в архив, объявив устаревшей. На самом деле, слухи о смерти концепции оказались сильно преувеличенными. Похоронные мотивы звучат по трем причинам: трактовки модернизации порой грешат схематизмом, сводят описание процесса к взаимодействию абстрактных категорий; нередко в исторических исследованиях процесс модернизации трактуется односторонне, лишь как движение в сторону рыночной экономики и ценностей либеральной демократии; историки, работающие в рамках модернизационной парадигмы, часто ориентируются на модернизационные исследования классической поры, т. е. полувековой давности. Однако за последние 50 лет концепция развивалась и в своем современном виде существенно отличается от того, чем была в момент своей наибольшей популярности в 1960-е гг. Неомодернизационная перспектива разработанная прежде всего в США, Великобритании, ФРГ, Франции и России, придала ей новый импульс. Теория модернизация оказалась более прагматической и работоспособной по сравнению с другими влиятельными в современной России макротеориями — общественно-экономических формаций и цивилизаций¹³. И, на мой взгляд, она хорошо объясняет как историческую динамику России XVIII — начала XX в., так происхождение и непосредственные причины русской революции 1917 года.

Как известно, теория модернизации предназначена для объяснения трансформации традиционного аграрного общества в современное индустриальное — именно того процесса, который происходил в России в имперский период. Согласно теории, модернизация привела к появлению индустриальных технологий и соответствующих им политических, культурных, социальных механизмов, позволяющих управлять процессом развития общества. Главными признаками модерна являются индустриальное производство, правовое государство, гражданское общество и рациональный автономный индивид. Процесс трансформации социума шел по всем линиям одновременно или разновременно. В частности, суть политической модернизации состояла в переходе от абсолютизма к конституционной государственности и в передаче политической власти от традиционалистской к модернистской элите.

Как показывает мировой опыт, в модернизации, даже успешной, заключено множество подводных камней, проблем и опасностей для социума. Она требует больших издержек и даже жертв, что ведет к лишениям и испытаниям для отдельных сегментов населения и не приносит равномерного благополучия сразу и всем. Осовременивание различных сфер общественного организма осуществляется асинхронно, порой одних за счет других, что приводит к противоречиям между ними. В ходе модернизации возникает дисгармония между культурными, политическими и экономическими ценностями и приоритетами, разделяемыми разными социальными группами. В много-этнических странах модернизация способствует обострению национального вопроса. Все это имеет одно фатальное следствие — увеличение социальной напряженности и конфликтности в

обществе. Причем, чем быстрее и чем успешнее идет модернизация, тем, как правило, выше конфликтность. Как это не покажется парадоксальным российскому читателю, революции, как правило, предшествует длительное и бурное (по меркам своего времени) экономическое развитие и значительные структурные сдвиги в экономике и обществе. «Нет ничего более ошибочного, — заметил автор классического труда по истории революций К. Бринтон, — чем представлять себе старый режим угасающей тиранией, которая, катясь к своему финалу, доводит до предела деспотическое безразличие к протесту доведенных до крайности подданных».¹⁴ *Быстрый экономический рост* является *важнейшей предпосылкой революции* и подобная зависимость «характерна практически для всех стран, переживших полномасштабные революции» в период ранней модернизации. Нидерландской революции XVI века предшествовал быстрый экономический рост, затронувший как в промышленность, так и сельское хозяйство. В Англии с середины XVI века и до начала революции и гражданской войны наблюдался быстрый промышленный рост. Во Франции активное преобразование сельского хозяйства начинается со второй половины XVIII века, а период с 1760 по 1790 год характеризуется успешным промышленным развитием и рассматривается как первая фаза промышленной революции. Германия в период, предшествующий революции 1848 г., переживала промышленный переворот и экономический рост. То же наблюдалось за пределами Европы (Мексика, Иран и др.). Предреволюционные режимы и здесь проводили сознательную политику активной индустриализации и ломки традиционных структур, опираясь в первую очередь на широкое привлечение иностранного капитала.¹⁵ Этот тезис им представляется настолько важным, что они посвящают ему целую главу. Действительно, исследователи неоднократно подчеркивали связь успешного экономического развития с вызреванием предпосылок революции. В одной из своих ранних, ставшей классикой по проблемам модернизации, С. Хантингтон установил наличие «прямой связи между быстрым экономическим ростом и политической нестабильностью».¹⁶ Известный американский экономист и социолог М. Олсон считал быстрый экономический рост «важнейшим дестабилизирующим фактором», более того - «основной силой, ведущей к революции и социальной нестабильности».¹⁷

Россия не стала исключением. Российская модернизация проходила под флагом европеизации, а точнее – вестернизации, и затронула верхние страты общества в несравненно большей степени, чем нижние, западные регионы (и соответственно этносы, в них проживающие) - сильнее восточных, город - больше деревни, столицы - интенсивнее остальных городов. Все это приводило к серьезным противоречиям и конфликтам между городом и деревней, разными отраслями производства (аграриями и промышленниками), социальными слоями, территориальными, профессиональными, этническими сообществами. Важным негативным последствием модернизации стал социально-культурный раскол общества на образованное меньшинство, принявшего вестернизацию, и народ, в массе оставшегося верным традиционным ценностям. В свою очередь тонкое европеизированное меньшинство не было единым с точки зрения системы ценностей, политических ориентаций и социальных идеалов. В результате конфликтность и социальная фрагментарность общества со временем все более усиливались. Наконец, наблюдались побочные разрушительные последствия процесса модернизации в форме роста социальной и межэтнической напряженности, конфликтности, насилия, преступности и т.д. *Именно высокие темпы и успехи модернизации создавали новые противоречия, порождали новые проблемы, вызывали временные и локальные кризисы, которые при неблагоприятных обстоятельствах перерастали в большие, а при благоприятных могли бы благополучно разрешиться.*

2. Девиантное поведение, благосостояние населения и революции

Рост различных форм социального и политического протеста при улучшении жизни хорошо объясняют теории девиации, потому что все протестные движения можно отнести к девиантному поведению – протестующие не согласны с официально

утверждаемыми целями жизни, со средствами их достижения или в целом с существующими порядками. Теории аномии, социальной дезорганизации и социального напряжения наилучшим образом объясняют всплеск протестного/отклоняющегося поведения в пореформенное время.

Великие реформы 1860-х гг., коренным образом изменившие условия существования и правила поведения, *во-первых*, породили дезориентацию, так как социальные нормы стали противоречивыми, утратили прежнюю ясность (теория аномии). *Во-вторых*, прежние устойчивые социальные связи становились противоречивыми и разрушались, вследствие чего социальный контроль над человеком со стороны социальных организаций, таких как сельская община, мещанское, купеческое и дворянское общества, чрезвычайно ослабел, и в обществе проявились черты дезорганизации (теория дезорганизации). *В-третьих*, возникло невиданное прежде по масштабам противоречие, или напряжение, между потребностями людей и реальными возможностями их удовлетворения (теория напряжения).¹⁸ Это напряжение со временем увеличивалось по мере роста индивидуализма, личной свободы, гражданских прав, уровня культуры и кругозора. Именно дезориентация, или разрегулированность, дезорганизация и рост напряженности в обществе способствовали росту протестного/отклоняющегося поведения.

Уровень девиации в обществе до некоторой степени отражает преступность, поскольку включает основные формы отклоняющегося поведения. В России XIX–XX вв., как и всюду в мире, наблюдался устойчивый и, как правило, необратимый рост преступности: достигнув определенного рубежа, она стабилизировалась, но не снижалась. Были два исключения — царствование Николая I и сталинская эпоха, в обоих случаях преступность возвратилась к показателям конца XVIII в. — времени расцвета крепостничества. Значительное увеличение преступности происходило трижды: после Великих реформ 1860-х гг. — в 2,7 раза (1851–1860 гг. в сравнении с 1883–1889 гг.), после революции 1917 г. — в 3 раза (1911–1913 гг. в сравнении с 1921–1924 гг.), после реформ конца 1980-х — начала 1990-х гг. — в 2,6 раза (1981–1985 гг. в сравнении с 2006–2010 гг.).¹⁹ Изменение преступности происходило скачками — в годы либеральных реформ она повышалась, а в консервативные годы стабилизировалась или медленно росла. Само по себе благосостояние не являлось главным фактором, обуславливавшим уровень криминогенности. Последняя имела тенденцию уменьшаться в периоды усиления социального контроля со стороны общественных и государственных структур и ограничения личных свобод и, наоборот, увеличиваться, когда контроль ослабевал и свободы становилось больше.

Профессиональный и социальный состав правонарушителей позволяет до некоторой степени оценить степень неудовлетворенности жизнью отдельных социальных групп. В конце XIX — начале XX в., с точки зрения криминогенности представителей различных профессий (отношение доли лиц данной профессии в общем числе осужденных к доле лиц данной профессии во всем населении), на первом месте были рабочие (11,2), на втором — лица свободных профессий и чиновники (2,3), на третьем — торговцы (1,9), на четвертом — промышленники и ремесленники (0,9), на пятом — крестьяне-землепашцы (0,6). На долю 3,2 млн рабочих приходилось около 30% всех осужденных. Рабочие, в подавляющем числе крестьяне по сословной принадлежности, были в 19 раз более криминогенными, чем крестьяне-хлебопашцы, жившие в деревне. Большая преступность свободных профессий, торговцев и предпринимателей, в массе более состоятельных, чем крестьяне, свидетельствует о том, что бедность, хотя и являлась криминогенным фактором, сама по себе не оказывала решающего влияния на увеличение преступности. В этом отношении весьма красноречивы также данные о преступности по сословиям. С точки зрения криминогенности (отношение доли представителей сословной группы в общем числе осужденных к доле лиц этой группы в населении), в 1858–1897 гг. первое место принадлежало купцам (2,0), второе — мещанам и ремесленникам (1,7),

третье — дворянам и чиновникам (1,5), четвертое — крестьянам (0,9), пятое — духовенству (0,3–0,4). Крестьянство уступало по криминогенности всем сословиям, кроме духовенства. После эмансипации влияние материального фактора на преступность возросло в другом смысле. Не бедность, а стремление разбогатеть любыми способами, не исключая и криминальных, часто служило мотивом преступления. Повышение роли богатства в системе ценностей, возможность посредством его сразу и радикально изменить свою жизнь к лучшему вводило многих небедных людей в искушение решить материальные проблемы преступным путем²⁰.

Если преступность (так же как самоубийства и убийства) отражает недовольство, фрустрацию и агрессию²¹, то следует признать: в конце XIX — начале XX в. интеллигенция и рабочие являлись самыми неудовлетворенными социальными группами. Их агрессия обуславливалась специфическими условиями их существования и особенностями менталитета²². Высокая преступность рабочих объяснялась их маргинальным статусом: оторвавшись от привычных условий жизни и принятых стандартов поведения в деревне, освобожденные от контроля семьи и общины, они тяжело адаптировались к фабричной и городской жизни, чувствовали себя отчужденными, что и служило источником антиобщественного поведения и негативных психических состояний.

Причина недовольства интеллигенции была иной — она была не удовлетворена не столько своим материальным положением, сколько недостаточным, на ее взгляд, влиянием на проходившие в стране социальные и политические процессы. В начале XX в. наиболее активная часть интеллигенции, часто называемая общественностью, была уверена, что вполне созрела для активного участия в государственном управлении. Как утверждал либерально мыслящий ученый Ф.И. Вернадский: «Русские граждане, взрослые мыслящие мужи, способные к государственному строительству», хотели легально заниматься политикой²³. Об этом свидетельствует «Записка», опубликованная в январе 1905 г., после кровавого воскресения, подписанная 1762 преподавателями российских университетов — практически всем преподавательским корпусом. В ней высказывалось требование привлечь выборных представителей к участию в законодательной власти и контроле над коронной администрацией²⁴.

Хорошо известно, что успешное развитие цивилизации невозможно без свободы, неизбежно сопряженной с отклоняющимся поведением, в том числе и преступного характера. В этом смысле само существование девиантности свидетельствует о наличии известного пространства свободы в обществе. «Если преступность падает заметно ниже среднего уровня, нам не с чем поздравить себя, - говорит Э. Дюркгейм, - ибо мы можем быть уверены в том, что такой кажущийся прогресс связан с определенной социальной дезорганизацией».²⁵ Действительно, самый низкий уровень преступности в России за последние двести лет наблюдался в последние годы сталинского режима — может быть, в самый мрачный период отечественной истории и поздравлять россиян с этим было бы не уместным. Чтобы общество развивалось, чтобы существовала возможность для самовыражения и самореализации, в нем в равной степени должна существовать возможность как для конструктивного, так и для деструктивного деяния относительно традиции. Не случайно, наверное, рост преступности (деструктивного поведения) в пореформенной России сопровождался экономическим подъемом, ростом изобретательства и творческой активности (конструктивного поведения). В 1861-1900 гг. сравнительно с 1825-1855 гг. преступность (если о ней судить по числу осужденных — наиболее точному показателю) возросла в 2,7 раза, но и число запатентованных изобретений — в 13,2 раза (с 17 до 224 в год).²⁶

Развитие протестных отношений хорошо объясняет также *теория относительной депривации (относительных лишений)*, делающая акцент на психологической неудовлетворенности тем, что есть, и тем, что хочется и должно быть в соответствии с представлениями известных групп и индивидов²⁷. Именно *относительная депривация*

наблюдалось в пореформенной России. Рост потребностей постоянно обгонял достигнутый уровень жизни. Все слои населения, и интеллигенция в наибольшей степени, постоянно хотели больше того, что имели, и больше того, что реально возможно было иметь при имевшихся в то время экономических и финансовых ресурсах, низкой культуре населения, невысокой производительности труда. Рост желаемых потребностей опережал увеличение предоставляемых возможностей, такая диспропорция, все увеличиваясь, оставляла все меньше возможностей для мирного урегулирования. С 1870-х по 1911—1913 гг. номинальный средний годовой заработок российских фабрично-заводских рабочих увеличился примерно на 33 % (со 190 до 254 руб.), сельскохозяйственных рабочих — на 75% (с 57 до 100 руб.), учителей земских школ — на 188% (со 135 до 390 руб., с квартирой и отоплением от школы). Однако и в 1870-е гг., и в начале 1910-х гг. все жаловались на плохое материальное положение, особенно учителя, считавшие свой заработок крайне недостаточным для интеллигентного человека, хотя в 1913 г. он был в 1,5 раза выше, чем у промышленных рабочих, а в 1870-е гг. — в 1,4 раза ниже. Как ни парадоксально, еще в большей степени сетовали на материальное положение учителя гимназий, чье годовое жалованье в 1910 г. равнялось 2100 руб., т.е. было в 5,4 раза выше, чем у земских учителей.²⁸ В период Первой мировой войны депривация достигла критического уровня, так как быстро растущие ожидания натолкнулись на внезапное ухудшение условий жизни, а неудачи на фронте и большие военные потери отняли оптимизм и веру в конечную победу. Двойная, или прогрессирующая, депривация — относительно претензий и относительно прежних реальных достижений — оказалась особенно болезненной. Люди приобретали революционный настрой из-за опасения потерять то, чего ими с таким трудом удалось достигнуть. Американский социолог Дж. Дэвис утверждает, что подобная прогрессирующая депривация была причиной всех великих революций в истории (так называемая теория «J-кривой»)²⁹

Усиление социальных, политических и экономических протестных движений проходило под решающим влиянием либерально-радикальной интеллигенции — именно она выступала лидером, организатором и непременным их участником, что являлось закономерным следствием ее маргинальности в позднеимперской России. Само определение интеллигенции как специфической социальной группы, идентифицировавшей себя через оппозицию с капитализмом и самодержавием, отрицавшей господствующие в обществе цели и средства их достижения и предлагавшей свои³⁰, говорит о ее маргинальности. В терминах теории девиации Р. Мертона, у типичного русского интеллигента наблюдалась дисгармония между культурными целями и легальными (институциональными средствами), с помощью которых эти цели осуществляются. Одни практиковали инновацию, другие — ретретизм, треть — бунт. Интеллигентов, если судить по числу лиц с высшим и средним образованием, насчитывалось в 1897 г. в Европейской России около 774,6 тыс. (1,61% самостоятельного населения)³¹. К активным участникам протестных движений некоторые исследователи относят также люмпенов (463,5 тыс. в Европейской России в 1897 г.: Общий свод. Т. 2. С. 265, 293), появившихся в значительном числе в результате «выпадения из системы ценностей, существующих классовых, сословных или групповых структур, дававших человеку не только фиксированный социальный статус, но и определенную культурную ориентацию»³². Вместе это давало довольно значительное число лиц, склонных к отклоняющемуся поведению.

Можно утверждать: рост протестных движений в пореформенное время отражал не понижение уровня жизни, не кризис социума или государства — в смысле его неспособности управлять страной, а явился плодом прогрессивных социальных изменений в обществе, последствием предоставленной экономической и гражданской свободы огромной массе прежде бесправных людей, результатом развития рыночной экономики и невероятного прежде роста потребностей и ожиданий.

Итак, после Великих реформ 1860 — начала 1870-х гг. в России быстрыми темпами проходила модернизация, затронувшая все стороны жизни. Однако прогресс сопровождался негативными последствиями — дезорганизацией государственных и общественных структур и дезориентацией людей, ростом напряженности и конфликтности в социуме. Общество испытало так называемую *травму социальных изменений*, или *аномию успеха*. «Прогрессивные по своей сути изменения, имеющие позитивные результаты, обнаруживают свою негативную сторону именно в силу того, что являются изменениями, что нарушают установившийся, стабильный порядок, прерывают непрерывность, нарушают равновесие, ставят под сомнение или лишают смысла прежние навыки и привычки»³³.

В тот момент, когда на страну обрушилось тяжелейшее испытание Первой мировой войной, модернизация была далека от завершения. Насущные болезненные российские общественные проблемы: аграрная, рабочая и национальная, социально-экономическое неравенство, культурный раскол общества, низкий уровень жизни, несмотря на его повышение, — оказались еще не решенными. Бремя войны, которое, напомним, не выдержала даже такая во всех отношениях модернизированная страна, как Германия, оказалось фатальным. Военные неудачи и тяготы войны, помноженные на безответственное поведение либеральных и революционных элит и ослабление государственной власти, оказались непереносимыми для общества. Страна погрузилась в революцию, проходившую в соответствии с классической моделью — кризис «старого режима»; установление власти «умеренных»; победа радикалов, создающих «царство террора и добродетели»; термидор, или контрреволюционный переворот, и постреволюционная диктатура.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[Корнилов, 1988: 38, 40]

¹ *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX-начало XX в): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 22-23, 61-62.

² *Rather S., Soltow J.H., Sylla R.* The Evolution of the American Economy: The Evolution of the American Economy: Growth, Welfare, and Decision Making. New York: Basic Books, 1979. P. 385.

³ *Миронов Б.Н.* Благополучие. С. 429.

⁴ *Струмилин С.Г.* Статистика и экономика. М., 1979. С. 444.

⁵ *Миронов Б.Н.* Благополучие. С. 530.

⁶ *Миронов Б.Н.* Благополучие. С. 457; *Миронов Б.Н.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 277.

⁷ Подсчитано по данным: *Святловский В.В.* Мобилизация земельной собственности в России (1861—1908 гг.). СПб., 1911. С. 81, 133—137; Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. СПб., 1895. С. 35; Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 11—17.

⁸ *Миронов Б.Н.* Благополучие. С. 213, 216, 372—373.

⁹ *Миронов Б.Н.* Благополучие и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд. М., 2012. С. 457.

¹⁰ *Миронов Б.Н.* Историческая социология России. СПб., 2009. С. 391—432.

¹¹ *Миронов.* Благополучие. 2-е изд. С. 636.

¹² *Tiryakian E.* The Changing Centers of Modernity // *Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt / E. Cohen, M. Lissak, U. Almagor (eds.).* Boulder (CO): Westview, 1985. P. 131-147.

¹³ *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: Теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.

-
- ¹⁴ *Brinton C.* The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition. N. Y: Vintage Books, 1965. P. 60.
- ¹⁵ *Стародубровская И.В., Май В.А.* Великие революции: От Кромвеля до Путин. 2-е изд. М., 2004. 39-40.
- ¹⁶ *Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. Princeton: Yale University Press, 1968. P. 51.
- ¹⁷ *Olson M.* Rapid Growth as a Destabilizing Force // When Men Revolt and Why / J.C. Davies (ed.). 2nd ed. New Brunswick: Transaction Publishers, 1997. P. 216.
- ¹⁸ *Гилинский Я.И.* Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд. СПб., 2007. С. 99-154.
- ¹⁹ *Гилинский Я.И.* Девиантология. С. 218, 223; *Миронов Б.Н.* Социальная история. Т. 2. С. 85; *Иншаков С.М.* Латентная преступность в Российской Федерации: перспективы исследования [Просмотр 6.01.2011: <[http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/inshakov\(10-04-10\).htm](http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/inshakov(10-04-10).htm)>]
- ²⁰ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 2. С. 95.
- ²¹ *Гилинский Я.И.* Криминология. С. 67–68; *Смидович С.Г.* Самоубийства в зеркале статистики // Социологические исследования. 1990. № 4.1990. С. 74–79.
- ²² *Huret R.* All in the Family Again? Political Historians and the Challenge of Social History // Journal of Policy History. 2009. Vol. 21. No. 3. P. 239–263.
- ²³ *Трубецкая О.Н.* Князь С.Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 73.
- ²⁴ *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. СПб., 1991. С. 76–77.
- ²⁵ *Дюркгейм Э.* Норма и патология // Социология преступности: (Современные буржуазные теории) // Б.С. Никифоров (ред.). М.: Прогресс, 1966. С. 44.
- ²⁶ *Ревинский Д. О.* Патентование изобретений в России (1812-1870 гг.) // Экономическая история. Ежегодник. 2001. М., 2002. С. 347.
- ²⁷ *Гарр, Т. Р.* Почему люди бунтуют. СПб., 2005.
- ²⁸ *Миронов Б.Н.* Благосостояние. С. 670-671.
- ²⁹ *Davies J.C.* (1) Toward a Theory of Revolution. P. 5-19; (2) When Men Revolt and Why. New York: Free Press, 1971.
- ³⁰ *Хорос В.Г.* Русская история в сравнительном освещении. М., 1996. С. 96–98.
- ³¹ *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010. С. 646, 655.
- ³² *Хорос В.Г.* Русская история. С. 116.
- ³³ *Штомпка П.* Социология. С. 474, 491.